

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.060

Современное развитие международного права в контексте новых методов ведения войны

Бурукина Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская пл., 6;
аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34;
e-mail: burukina@mail.ru

Аннотация

Беспилотные летательные аппараты, роботизированное вооружение, искусственный интеллект, перспектива кибервойны и другие современные правовые проблемы, возникающие в силу использования новых технологий в военных операциях, обуславливают необходимость формулирования четкой позиции по отношению к ним как международного гуманитарного права и международного права прав человека, так и международного права в целом.

В 2019 г. Международное гуманитарное право (МГП) отметило 70-летний юбилей Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны, являющихся одной из основ МГП, а в 2014 г. мировая общественность отметила 150 лет со дня принятия в 1864 г. первоначальной Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», положившей основу современному МГП.

В этой связи особую актуальность в контексте современных методов ведения войны, все еще считающихся новыми по сравнению с традиционными методами ведения войны, приобретает сложившаяся на сегодняшний день правовая дихотомия между необходимостью и отсутствием изменений в МГП.

Современные вооруженные конфликты ставят перед МГП ряд сложных задач в таких областях, как применение новых технологий и классификация конфликтов. Автор анализирует возможности и способы изменения МГП в современных условиях с учетом изменений в технологиях вооружений, методах и способах ведения войны.

Для цитирования в научных исследованиях

Бурукина О.А. Современное развитие международного права в контексте новых методов ведения войны // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А. С. 399-410. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.060

Ключевые слова

Эволюция МГП, Женевские конвенции, вооруженный конфликт, новые технологии вооружений, правовая дихотомия.

Введение

Возрастающая сложность вооруженных конфликтов привела к расширяющимся дискуссиям в МГП по ряду актуальных вопросов, сводящимся так или иначе к проблеме эволюционных изменений в МГП.

В современных вооруженных конфликтах основными жертвами нарушений МГП являются гражданские лица. Однако во многих ситуациях государства не могут или не желают удовлетворить основные потребности гражданских лиц, и в таких ситуациях МГП предусматривает действия по оказанию помощи, предпринимаемые другими участниками, включая гуманитарные организации, при условии согласия государства. В современных вооруженных конфликтах защитная сфера МГП остается крайне важной. Поэтому необходимо четко понимать, что для поддержания МГП своей защитной функции в XXI в. необходима адекватная реакция на современные вызовы [IHL Challenges, 2013].

На данном этапе международному юридическому сообществу очевидно, что государства – главные заинтересованные стороны в развитии МГП – не проявляют явного намерения вносить изменения в МГП, дабы ликвидировать имеющиеся отдельные пробелы на его периферии.

Однако временная неспособность МГП справиться с современными актуальными проблемами («решение не принимать решения») приводит к нарастающим призывам в юридическом дискурсе о принятии различных мер и новых подходов в МГП вплоть до обновления его фундаментальной основы, что вряд ли может благотворно сказаться на дальнейшем развитии этой отрасли международного права.

Траектории изменения МГП

МГП способно изменяться двумя способами: посредством принятия международных договоров и через изменения в обычном международном праве. В настоящее время на пороге всеобщего признания находятся несколько международных договоров и, прежде всего, Устав ООН, но пока только Женевским конвенциям 1949 г. в полной мере удалось достичь этой цели.

Для внесения изменений в МГП международный договор может быть новаторским, отличающимся от ранее существовавшего обычного права в отношениях между двумя договаривающимися сторонами (не затрагивая третьи стороны). И наоборот, договор – полностью или частично – может быть или со временем стать декларацией обычного международного права. В этом случае декларативные нормы (в силу их обычного характера, а не договорного) становятся обязательными также и для недоговаривающихся сторон. Кроме того, новый обычай может «проникнуть» в текст договора, «переосмыслив» его в соответствии с последующей практикой. Пока текст договора, казалось бы, остается неизменным, содержание правовых норм на самом деле подвергается значительному изменению [Dinstein, 2019].

Важно понимать, что изменения в МГП могут осуществляться исключительно государствами, действующими совместно на основе договора или обычая. И в принципе не существует другого способа осуществить подобное изменение. При этом неправительственные организации, в том числе самая передовая в отношении МГП организация, наделенная Женевской конвенцией особым статусом и авторитетом, – МККК – не способны произвести изменения в МГП. Хотя неправительственные организации и другие негосударственные субъекты, безусловно, могут сыграть важную роль в поддержке стремления национальных правительств заключить инновационные договоры или изменить существующую практику, не

всегда изменения, продвигаемые гражданским обществом, приносят положительные плоды. Положительным примером взаимодействия национальных правительств и неправительственных организаций по созданию новых норм МГП может служить Оттавская конвенция о противопехотных минах 1997 года [Convention 1997]. Тем не менее, даже достигнутые успехи в продвижении международных договоров не наделяют негосударственные организации законодательскими полномочиями на международной арене.

Никакой правовой статус-кво не может поддерживаться постоянно. Когда правовая система оказывается не в состоянии перенастроить себя в соответствии с изменяющимися обстоятельствами, между законом и реальностью возникает разрыв. В долгосрочной перспективе такой разрыв будет иметь катастрофические последствия для права, подрывая его основу, а именно уважение общества [Dinstein, 2019].

Если это верно для всех видов права, это особенно справедливо и для МГП, поскольку каждая война (*bellum*) становится своего рода полигоном, создающим прецеденты и основания для создания нового *jus in bello* в свете опыта, полученного на поле боя. И введение новых методов и/или средств ведения войны побуждает правоведов и общественность по-новому взглянуть на действующее законодательство.

Данная тенденция нашла свое воплощение в 1949 г. в Женевских конвенциях, которые сосредоточили в себе значительные изменения, внесенные в существовавшее на тот момент законодательство: две из четырех конвенций (Вторая и Четвертая) были совершенно новыми, а Первая и Третья, хотя и основывались на предыдущих Женевских конвенциях 1929 г., включили в себя целый ряд нововведений [Geneva Conventions, 1949].

Но, несмотря на инновационный характер и отраженное в Женевских конвенциях стремление мировой общественности в полной мере зафиксировать произошедшие в период Второй мировой войны изменения как в области средств и методов ведения войны, так и появление новых видов вооружения, Женевские конвенции не застыли во времени, подвергаясь пересмотру и доработке как формально, так и неформально.

Формальные изменения имели место в 1977 году, когда Женевские конвенции были усилены Дополнительными протоколами I и II, регулирующими ведение боевых действий в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, соответственно, а последующая практика боевых действий породила ряд неформальных изменений в содержании некоторых положений конвенций [Protocols I & II, 2009].

По сути, на протяжении всего XX в. международным сообществом предпринимались усилия с целью избежать чрезмерных страданий комбатантов и минимизировать случайный ущерб, причиняемый гражданским лицам, а также направленные на запрет и/или ограничение разработки, хранения и применения конкретных видов оружия, включая химическое и биологическое¹, зажигательное², ослепляющее лазерное оружие³, противопехотные мины и кассетные боеприпасы⁴. Более того, благодаря эволюционным изменениям МГП, государства, разрабатывающие новое оружие, обязаны проводить оценку его соответствия

¹ Конвенция о биологическом оружии 1972 г., Конвенция о химическом оружии 1993 г.

² Протокол III к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 г.

³ Протокол об ослепляющем лазерном оружии (Протокол IV к Конвенции о конкретных видах обычного оружия), 13 октября 1995 г.

⁴ Конвенция о запрещении противопехотных мин 1997 г., Конвенция по кассетным боеприпасам 2008 г.

правилам и принципам МГП⁵.

В настоящее время в жарких спорах, обусловленных появлением новых видов вооружения и новых способов и методов ведения боевых действий, правительствам и надправительственным организациям настоятельно рекомендуется пересмотреть обязательные правовые нормы МГП. Однако правоприменительная практика требует, чтобы при любых изменениях, вносимых в действующее законодательство в силу вящей необходимости, сохранялись неизменными три «столпа» международного права: (1) правовая аксиома, (2) концепция и цель и (3) основные принципы правовой системы [Pictet, 1985].

Основы МГП как препятствия на пути изменений

Первым препятствием для любых изменений в МГП является основополагающая предпосылка о равной применимости *jus in bello* ко всем воюющим сторонам в международном вооруженном конфликте, независимо от того, кто является агрессором (и, соответственно, кто является жертвой агрессии) согласно *jus ad bellum*. Эта правовая **аксиома**, как и все аксиомы, является основным постулатом, с которым не может дисгармонировать ни одна юридическая норма [Fundamentals of IHL, 2019].

Хотя в интересах определенных заинтересованных сторон в настоящее время интенсивно развивается так называемая «теория справедливой войны», с точки зрения международного права, связь между законностью войны и ведением военных действий совершенно неприемлема: независимо от того, является ли война «справедливой» или «несправедливой» в соответствии с *jus ad bellum*, все комбатанты в равной степени связаны одинаковыми обязательствами и пользуются одинаковыми правами в соответствии с *jus in bello* [Mushkat, 1988].

И сегодня правовая аксиома равенства воюющих сторон жизнеспособна, даже когда в вооруженный конфликт вовлекаются силы ООН: тот же корпус МГП связывает аналогичными обязательствами и войска ООН, представляющие международное сообщество, и их противников [Gasser, 1995].

Строит отметить, что **аксиома** правового равенства сторон актуальна и для немеждународных вооруженных конфликтов, хотя не существует *jus ad bellum*, регулирующий такие конфликты, но очевидно интегрированное в немеждународные конфликты неравенство в позициях двух основных противников (правительственных войск и организованных вооруженных формирований повстанцев). Тем не менее, правовое равенство сторон означает, что повстанцы – в не меньшей степени, чем правительство – должны руководствоваться МГП, включая запрет, налагаемый Общей Статьей 3 Женевских конвенций на вынесение приговора представителям противоборствующей стороны, обвиняемым в преступлениях, «без предварительного вынесения приговора регулярно действующим судом с предоставлением всех судебных гарантий» [Common Article 3, 1949].

Несмотря на любые изменения в сфере вооруженных конфликтов, неизменными остаются **концепция и цель** *jus in bello* МГП, четко сформулированные еще в Петербургской декларации 1868 г.: «Максимально облегчить тяготы и лишения войны» [СПб декларация, 2018]. При этом МГП предусматривает компромисс между военной необходимостью, которой руководствуются

⁵ ДП I, статья 36 «О регулировании вооружений в МГП», см.: Глава 3.V.4–5 и VI.4.

воюющие стороны, и соображениями гуманитарного характера: с одной стороны, любая война ведется с целью одержать победу, с другой стороны, суть *jus in bello* подразумевает определенные ограничения. Более поздняя формулировка той же фундаментальной идеи, будучи рассмотренной под другим углом зрения, закреплена в статье 35 (1) Дополнительного протокола I 1977 г., в которой говорится, что «право сторон, участвующих в вооруженном конфликте, на выбор средств и методов ведения военных действий не является неограниченным, и что использование оружия, снарядов, веществ и методов военных действий, способных причинить излишние повреждения или излишние страдания, запрещено» [Protocols I & II, 2009].

Неизменными были и остаются основополагающие **принципы** МГП – принцип избирательности и принцип соразмерности (пропорциональности).

В 1996 г. в Консультативном заключении Международного Суда о законности ядерного оружия, были закреплены еще два основополагающих принципа, на которые опирается МГП:

1) проведение различия между комбатантами / военными целями и гражданскими лицами / гражданскими объектами и

2) избежание ненужных страданий или излишних травм (для комбатантов) [Advisory Opinion, 1996].

Очевидно, что принцип проведения различия основывается на принципе избирательности, а закрепленная в Консультативном заключении необходимость избегать ненужных страданий и излишних травм непосредственно коррелирует с принципом соразмерности.

Новые вызовы *jus in bello* возникают в результате возникновения любого значительного технологического сдвига или инноваций в тактике боя, и могут обусловить необходимость пересмотра и обновления устаревших правил. Подобные обновления – в тех случаях, если они действительно неизбежны, – имеют положительный характер – до тех пор, пока не влекут за собой изменений основных компонентов МГП.

Ключевой вопрос об изменениях в МГП: какие изменения в международном гуманитарном праве уместны и действительно неизбежны, а какие изменения недопустимы. Несомненно, что **правовая аксиома** МГП остается неизменной. **Концепция** и **цель** МГП постоянны. И основные **принципы** четко сформулированы и твердо закреплены.

Однако, хотя фундаментальные основы МГП остаются неизменными, в нем существует множество аспектов, подвергающихся постоянным изменениям. Фактически каждое поколение переосмысливает одни и те же основные принципы МГП, предлагая новые решения как для старых, так и для новых проблем. Принцип соразмерности, играющий сегодня столь важную роль, по сути, стал символическим в аспекте предоставления нового решения для старой проблемы сопутствующего ущерба [Rule 14, 2019].

Как верно указывает Б. Браун (1976), во время Второй мировой войны еще можно было рационально объяснить военной необходимостью масштабное уничтожение гражданских лиц и гражданских объектов во время атомной бомбардировки Хиросимы тем, что этот город представляет собой значимую военную цель, поскольку Хиросима была важным морским портом, служившим центром снабжения японских императорских вооруженных сил, и там базировались несколько тысяч японских военнослужащих. Однако принцип соразмерности, разработанный в послевоенную эпоху, и требующий проведения анализа возможного сопутствующего ущерба, наносимого гражданским лицам, которые пострадали бы в результате атомного взрыва, ударной войны и высвобождающейся тепловой и лучистой энергии, сделали бы подобное нападение сегодня незаконным и невозможным [Brown, 1976].

В том, что касается изменений, *jus in bello* ничем не отличается ото всех других отраслей международного права: изменения порождаются либо договором, либо обычаем. Обычай означает общую практику (с акцентом на государства, которых это «особо касается») и *opinio juris* [Statute, 19].

Поскольку обычай не прописан, его не так просто выявлять. Очевидно, что в отличие от обычая договор представляет собой письменное соглашение между государствами. Договор имеет преимущество перед обычаем в том, что он является *jus scriptum*, но, в отличие от обычая, являющегося обязательным для всего международного сообщества, договор обязателен только для договаривающихся сторон. В этом отношении выделяются Женевские конвенции, поскольку они были подписаны и ратифицированы всеми странами мира [Geneva Conventions, 1949].

Перспективы изменений в МГП

Технологические разработки, затрагивающие средства и методы ведения войны, неизбежно влекут за собой изменения в МГП. Примером тому может служить изобретение военных самолетов и ракет, введение в боевые действия на суше танков и БМП, – все эти технологические инновации непосредственно влияли на *jus in bello*, поскольку закон не мог игнорировать новые разрушительные возможности воюющих сторон и их последствия. В настоящее время человечество переживает период, когда темп технологических изменений растет с каждым годом все быстрее. Яркими примерами современных технологических разработок и их последствий являются (1) полуавтоматические системы вооружений, (2) беспилотные летательные аппараты, (3) беспилотные надводные морские суда и подводные устройства, (4) наземные роботы, (5) спутники в космосе и (6) кибервойны.

Нельзя упускать из виду, что технологические инновации, с точки зрения МГП и правового обычая, могут иметь двойственный характер – подразумевать более изощренные методы и способы ведения войны и одновременно, по крайней мере гипотетически, служить лучшей имплементации основных принципов МГП.

Для иллюстрации этого тезиса достаточно привести два примера – два результата НТР, способных сформировать характер нового типа войны – войны VI поколения. Во-первых, это использование высокоточного оружия⁶, позволяющего атаковать законную цель с хирургической точностью, тем самым уменьшая опасность неизбежного кровопролития и существенно сводя к минимуму сопутствующий ущерб, наносимый гражданским лицам и гражданским объектам.

Во-вторых, это беспилотные летательные аппараты (БПЛА), используемые не только для транспортировки бомб и ракет и нанесения целевых ударов: они способны в режиме реального времени предоставлять информацию о присутствии гражданских лиц и наличии гражданских объектов вблизи военной цели. По данным Agbeyangi et al. (2016), большинство БПЛА используются сегодня для наблюдения [Agbeyangi et al., 2016].

Зависая над предполагаемой целью, беспилотники способны собирать точные данные о наличии и количестве гражданских лиц и гражданских объектов в районе боевых действий.

⁶ Высокоточное оружие – как правило, управляемое оружие, способное с заданной достаточно высокой вероятностью поражать цель первым же выстрелом (пуском) на любой дальности в пределах досягаемости.

Проанализировав информацию, собранную БПЛА, командиры воинских частей, планирующие атаки, могут с более высокой степенью надежности определить побочный ущерб и сопутствующие потери и принять решение об их соразмерности / пропорциональности и, в конечном счете, о законности атаки по МГП. Полученные разведывательные данные могут быть повлиять на выбор альтернативного времени и/или места атаки, что позволит уменьшить или избежать сопутствующих потерь и ущерба [Knight, 2017].

Не все технологические инновации оказывают непосредственное влияние на *jus in bello*: в настоящее время существует целый ряд разработок, влияющих на имплементацию закона неявно или косвенно, в зависимости от контекста. Так, МГП обязывает нападающего принимать возможные меры предосторожности, включая, где это возможно, предупреждение гражданских лиц о готовящемся нападении. Очевидно, что предупреждение гражданских лиц не всегда можно осуществить практически, так как чаще всего в основе атаки лежит неожиданность. Но, если предупреждение возможно, оно может стать решающей мерой предосторожности, исключая чрезмерный побочный ущерб, наносимый гражданским лицам [Dinstein, 2004].

В прошлом технологические возможности ограничивались использованием мегафонов, обращений в радио- / телепередачах, сбрасыванием листовок с воздуха и пр. В электронную эпоху предупреждения могут также доставляться гражданскому населению с помощью SMS-сообщений, а также через «социальные сети» (типа Facebook) в Интернете и т.д. В настоящее время экспоненциально возрастает число гражданских лиц, в недавнем прошлом бывших буквально недостижимыми, с которыми сегодня ИКТ позволяют эффективно связываться. Таким образом, новые технологии, разработанные для конкретных целей мирного времени, могут в военное время принести непредвиденные выгоды, защищая гражданское население от побочного ущерба [Rule 20].

Новые технологии – не единственные причины перемен в войне и в *jus in bello*. Правовые трансформации нередко становятся необходимы вследствие изменений в постоянно меняющейся тактике, при этом последняя не обязательно связана с развитием современных технологий. Но, как ни парадоксально это звучит, МГП способно затруднить адаптацию к проблемам нетехнологической природы [Vité, 2011].

Простейшим примером применения запрещенной тактики может служить использование гражданских лиц в качестве «живого щита» для защиты законных целей от нападения. В последние годы применение этой тактики в многочисленных вооруженных конфликтах приобрело вопиющий характер. Вопрос о незаконном использовании «живого щита» (добровольного или недобровольного) для защиты комбатантов и/или военных целей был рассмотрен на специальной сессии, организованной в Риме Международным институтом гуманитарного права. К сожалению, на данный момент не сложилось единого мнения о прагматических санкциях, применимых против использования данной тактики [Challenges of IHL, 2007].

Смежной проблемой, требующей дальнейшего изучения, является отсутствие адекватной реакции МГП на растущий феномен использования в вооруженных конфликтах «террористов-смертников», маскирующихся под гражданских лиц.

Террористы-смертники засылаются сегодня по всему миру, но в МГП до сих пор не проработаны механизмы их сдерживания. Поскольку террористы-смертники, в случаях, если их используют не «вслепую», – психологически склонны к самоубийству, их невозможно сдержать, например, угрожая им смертью. Другие средства сдерживания неправомерны из-за существующего запрета на коллективные наказания невиновных родственников и

коллективную ответственность [Terrorism and IHL, 2016].

Эти и другие проблемы, возникающие в результате обманных действий как методов ведения войны, должны привлекать надлежащее внимание юристов и правительств стран мира, что позволит изменить МГП либо через трансформацию правового обычая, либо договорным путем.

Одной из наиболее значимых технологических инноваций, которая, несомненно, потребует дальнейшего развития МГП и, возможно, внесения серьезных изменений, причем именно посредством договоров, стал искусственный интеллект. Хотя этой инновации ещё сравнительно далеко до завершённой материализованной формы, способной повлиять на *jus in bello* и повлечь за собой изменения в МГП, уже сегодня эксперты разных стран обсуждают возможное влияние ИИ на МГП [AI & IHL, 2019].

Несомненно, реформы МГП потребуются, когда человек делегирует роботам право самостоятельно определять, будет ли сопутствующий ущерб, наносимый гражданским лицам и гражданским объектам, «чрезмерным» по сравнению с ожидаемым военным преимуществом в результате нападения на законные военные цели. При этом возникает вопрос об ответственности человека за действия роботов.

Поскольку прогресс неизбежен, в том числе в военной сфере, искусственный интеллект и военные технологии на его основе будут развиваться, но потребуются некоторое время, прежде чем правовые последствия их развития и применения будут корректно представлены в юридическом дискурсе и правовом поле.

Обычно технологические разработки рассматриваются как препятствия для имплементации существующего *jus in bello* и, как следствие, – как катализаторы изменений. Но технологические инновации могут также способствовать имплементации действующего законодательства, таким образом создавая стимулы к изменениям.

Для правовой реформы всегда есть место. Поэтому нам представляется неверным суждение, что фундаментальные основы МГП подлежат пересмотру только потому, что некоторые проблемы *jus in bello* (например, использование в вооруженных конфликтах «живых щитов» или вне вооруженных конфликтов «террористов-смертников») пока остаются нерешенными. Однако отсутствие прогресса в определенных направлениях не означает наличия фундаментальных ошибок в ядре МГП.

Выводы

На основании изложенного нам представляется необходимым выделить три основных момента:

1. МГП (как и все другие разделы права) предполагает непрерывное обновление, при этом за всеми аспектами правоприменения необходимо внимательно следить на предмет возможных изменений, уже прошедших (возможно, незамеченными) или ожидающихся. При этом необходимо понимать, что на данном этапе развития и МГП, и технологических инноваций в вооружении, способах и методах ведения войны, нет необходимости пересмотра фундаментальных принципов, лежащих в его права.

2. Поскольку в ближайшее время не планируется принципиальных изменений в МГП в форме международных договоров, необходимые перемены в этой области могут быть произведены только путем практических изменений – эволюции международных обычаев, то есть изменений в международном обычном праве.

3. Хотя изменения в международном обычном праве обычно происходят медленно, пример немеждународного / внутреннего вооруженного конфликта наглядно демонстрирует, что при проявлении готовности и волеизъявления международным сообществом реформа права может быть проведена сравнительно быстро.

В XX в. трансформации в МГП происходили неоднократно, и можно с уверенностью прогнозировать существенные изменения в обозримом будущем при условии сохранения фундаментальных основ МГП.

Библиография

1. СПб декларация (2018). Санкт-Петербургская декларация 1868 г. об отмене взрывчатых и зажигательных пуль (полный текст). МККК. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/sankt-peterburgskaya-deklaraciya-1868-g-ob-otmene-vzryvchatyh-i-zazhigatelnyh-pul-polnuu>. Дата обращения – 14.11.2019.
2. Advisory Opinion (1996). Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996. International Court of Justice Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Retrieved from <https://www.icj-cij.org/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf>. Accessed on 7.11.2019.
3. Agbeyangi, Abayomi; Odiete, Joseph & Olorunlomeye, Adam (2016). Review on UAVs used for Aerial Surveillance. *Journal of Multidisciplinary Engineering Science and Technology (JMEST)*, 3.
4. AI & IHL (2019). Artificial intelligence and machine learning in armed conflict: A human-centred approach, 2019. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/document/artificial-intelligence-and-machine-learning-armed-conflict-human-centred-approach>. Accessed on 6.11.2019.
5. Brown, Bernard L. (1976). The Proportionality Principle in the Humanitarian Law of Warfare: Recent Efforts at Codification, *Cornell International Law Journal*: Vol. 10: Issue 1, Article 5: 134–155.
6. Challenges of IHL (2007). International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts. Prepared by the ICRC for the 30th International Conference of the Red Cross and Red Crescent, Geneva, Switzerland, 26–30 November 2007. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/irrc-867-ihl-challenges.pdf>. Accessed on 14.11.2019.
7. Common Article 3 of the four Geneva Conventions of 1949 and Additional Protocols I and II. Retrieved from http://defensewiki.ibj.org/index.php/Common_Article_3_of_the_four_Geneva_Conventions_of_1949_and_Additional_Protocols_I_and_II. Accessed on 9.11.2019.
8. Dinstein, Yoram (2004). *The Conduct of Hostilities under the law of International Armed Conflict*, Cambridge Univ. Press, 2004, 296 p.
9. Dinstein, Yoram (2019). International Humanitarian Law: Changing and Unchanging 70 Years after the Geneva Conventions. In: *The Proceedings of the 42nd Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law on the 70th Anniversary of the Geneva Conventions “Whither the human in armed conflict? IHL implications of new technology in warfare”*, 4–6.9.2019, Sanremo, Italy.
10. Fundamentals of IHL (2019). A. Concept and Purpose of International Humanitarian Law. Retrieved from <https://casebook.icrc.org/law/fundamentals-ihl>. Accessed on 7.11.2019.
11. Gasser, Hans-Peter (1995). The United Nations and International Humanitarian Law: The International Committee of the Red Cross and the United Nations' involvement in the implementation of international humanitarian law. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/misc/57jmuk.htm>. Accessed on 16.11.2019.
12. Geneva Conventions (1949). The Geneva Conventions and their Additional Protocols. International Committee of the Red Cross. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions>. Accessed on 12.11.2019.
13. IHL Challenges (2013). Contemporary challenges for IHL. ICRC. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/document/contemporary-challenges-ihl>. Accessed on 15.11.2019.
14. Knight, Ben (2017). A guide to military drones. Retrieved from <https://www.dw.com/en/a-guide-to-military-drones/a-39441185>. Accessed on 4.11.2019.
15. Mushkat, Roda (1988). Jus in bello revisited. *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, Vol. 21, No. 1 (March 1988), pp. 1–51.
16. Ottawa Convention (1997). Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction. UN Treaty Collection, Oslo, 18.9.1997. Retrieved from https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXVI-5&chapter=26&clang=en. Accessed on 11.11.2019.
17. Pictet, Jean S. (1985). *Development and Principles of International Humanitarian Law*, Geneva, M. Nijhoff, 1985, pp. 59–60.

18. Protocols I & II (2009). Protocols I and II additional to the Geneva Conventions. ICRC. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/misc/additional-protocols-1977.htm>. Accessed on 10.11.2019.
19. Rule 14 (2019). Proportionality in Attack. IHL Database. Retrieved from https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule14. Accessed on 9.11.2019.
20. Rule 20 (2019). Advance Warning. IHL Database. Retrieved from https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule20. Accessed on 2.11.2019.
21. Statute of the International Court of Justice Article 38(1). Retrieved from http://www.kentlaw.edu/faculty/bbrown/classes/HumanRightsSP10/CourseDocs/1ICJ%20Art_38.pdf. Accessed on 13.11.2019.
22. Terrorism and IHL (2016). Terrorism, Counter-Terrorism and International Humanitarian Law. Proceedings of the Bruges Colloquium Actes du Colloque de Bruges, 17th Bruges Colloquium 20-21 October 2016. College of Europe, ICRC.
23. Vité, Sylvain (2011). As the nature of warfare changes, how should international humanitarian law adapt? Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/interview/2011/ihl-development-interview-2011-11-28.htm>. Accessed on 7.11.2019.

Current developments of international law in the context of new methods of warfare

Ol'ga A. Burukina

PhD in Philology, Associate Professor

Russian state University for the Humanities,

125993, 6 Miusskaya pl., Moscow, Russian Federation;

PhD student

Institute of legislation and comparative law

under the Government of the Russian Federation

117218, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: burukina@mail.ru

Abstract

Unmanned aerial vehicles, robotic weapons, artificial intelligence, the prospect of cyber warfare and other modern legal problems arising from the use of new technologies in military operations necessitate the formulation of a clear position in relation to them, both of international humanitarian law and international human rights law, as well as that of international law in general.

In 2019, International Humanitarian Law (IHL) celebrated the 70th anniversary of IHL fundamentals – the 1949 Geneva Conventions for the Protection of War Victims, and in 2014, the world community celebrated 150 years since the adoption of the original Geneva Convention in 1864 “On improving the condition of the wounded in the local armies,” which laid the foundation for modern international humanitarian law.

In this regard, the current legal dichotomy between changes and the absence of changes in IHL is of particular relevance in the context of modern methods of warfare, which are still considered new in comparison with traditional methods of warfare. Modern armed conflicts pose a number of complex challenges for IHL in areas such as the use of new technologies and the classification of conflicts. The author analyzes the possibilities and methods of changing IHL in modern conditions, taking into account current changes in weapons technologies, methods and methods of warfare.

For citation

Burukina O.A. (2019) *Sovremennoe razvitie mezhdunarodnogo prava v kontekste novykh metodov vedeniya voyny* [Current developments of international law in the context of new methods of warfare]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (10A), pp. 399-410. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.060

Keywords

IHL evolution, Geneva Conventions, armed conflict, new weapons technologies, legal dichotomy.

References

1. St. Petersburg Declaration (2018). St. Petersburg Declaration of 1868 on the abolition of explosive and incendiary bullets (full text). The ICRC. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/sankt-peterburgskaya-deklaraciya-1868-g-ob-otmene-vzryvchatyh-i-zazhigatelnyh-pul-polnyy>. Accessed on 14.11.2019.
2. Advisory Opinion (1996). Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996. International Court of Justice. Retrieved from <https://www.icj-cij.org/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf>. Accessed on 7.11.2019.
3. Agbeyangi, Abayomi; Odiete, Joseph & Olorunlome, Adam (2016). Review on UAVs used for Aerial Surveillance. *Journal of Multidisciplinary Engineering Science and Technology (JMEST)*, 3.
4. AI & IHL (2019). Artificial intelligence and machine learning in armed conflict: A human-centred approach, 2019. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/document/artificial-intelligence-and-machine-learning-armed-conflict-human-centred-approach>. Accessed on 6.11.2019.
5. Brown, Bernard L. (1976). The Proportionality Principle in the Humanitarian Law of Warfare: Recent Efforts at Codification, *Cornell International Law Journal*: Vol. 10: Issue 1, Article 5: 134–155.
6. Challenges of IHL (2007). International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts. Prepared by the ICRC for the 30th International Conference of the Red Cross and Red Crescent, Geneva, Switzerland, 26–30 November 2007. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/irrc-867-ihl-challenges.pdf>. Accessed on 14.11.2019.
7. Common Article 3 of the four Geneva Conventions of 1949 and Additional Protocols I and II. Retrieved from http://defensewiki.ibj.org/index.php/Common_Article_3_of_the_four_Geneva_Conventions_of_1949_and_Additional_Protocols_I_and_II. Accessed on 9.11.2019.
8. Dinstein, Yoram (2004). *The Conduct of Hostilities under the law of International Armed Conflict*, Cambridge Univ. Press, 2004, 296 p.
9. Dinstein, Yoram (2019). International Humanitarian Law: Changing and Unchanging 70 Years after the Geneva Conventions. In: *The Proceedings of the 42nd Round Table on Current Issues of IHL on the 70th Anniversary of the Geneva Conventions “Whither the human in armed conflict? IHL implications of new technology in warfare”*, 4–6.9.2019, Sanremo, Italy.
10. Fundamentals of IHL (2019). A. Concept and Purpose of International Humanitarian Law. Retrieved from <https://casebook.icrc.org/law/fundamentals-ihl>. Accessed on 7.11.2019.
11. Gasser, Hans-Peter (1995). The United Nations and International Humanitarian Law: The ICRC and the United Nations’ involvement in the implementation of IHL. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/misc/57jmuk.htm>. Accessed on 16.11.2019.
12. Geneva Conventions (1949). The Geneva Conventions and their Additional Protocols. International Committee of the Red Cross. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions>. Accessed on 12.11.2019.
13. IHL Challenges (2013). Contemporary challenges for IHL. ICRC. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/document/contemporary-challenges-ihl>. Accessed on 15.11.2019.
14. Knight, Ben (2017). A guide to military drones. Retrieved from <https://www.dw.com/en/a-guide-to-military-drones/a-39441185>. Accessed on 4.11.2019.
15. Mushkat, Roda (1988). Jus in bello revisited. *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, Vol. 21, No. 1: 1–51.
16. Ottawa Convention (1997). Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction. UN Treaty Collection, Oslo, 18.9.1997. Retrieved from https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXVI-5&chapter=26&clang=en. Accessed on

- 11.11.2019.
17. Pictet, Jean S. (1985). *Development and Principles of International Humanitarian Law*, Geneva, M. Nijhoff, 1985, pp. 59–60.
 18. *Protocols I & II* (2009). *Protocols I and II additional to the Geneva Conventions*. ICRC. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/misc/additional-protocols-1977.htm>. Accessed on 10.11.2019.
 19. Rule 14 (2019). *Proportionality in Attack*. IHL Database. Retrieved from https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule14. Accessed on 9.11.2019.
 20. Rule 20 (2019). *Advance Warning*. IHL Database. Retrieved from https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule20. Accessed on 2.11.2019.
 21. Statute of the International Court of Justice Article 38(1). Retrieved from http://www.kentlaw.edu/faculty/bbrown/classes/HumanRightsSP10/CourseDocs/ICJ%20Art_38.pdf. Accessed on 13.11.2019.
 22. *Terrorism and IHL* (2016). *Terrorism, Counter-Terrorism and International Humanitarian Law*. Proceedings of the Bruges Colloquium Actes du Colloque de Bruges, 17th Bruges Colloquium 20-21 October 2016. College of Europe, ICRC.
 23. Vité, Sylvain (2011). *As the nature of warfare changes, how should international humanitarian law adapt?* Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/interview/2011/ihl-development-interview-2011-11-28.htm>. Accessed on 7.11.2019.